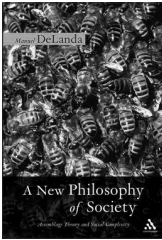


Ассамбляжи на плоскости: минимализм в социальной теории



Manuel DeLanda. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum, 2006. — 142 p.

«Новая философия общества» Мануэля Деланда была издана в 2006 году, и за прошедшие годы изложенные в ней основные положения теории ассамбляжей (развиваемой Деланда вслед за Делёзом) не только не потеряли свою актуальность, но и подтвердили ее и продолжают по сей день составлять эпистемологическую основу ряда исследований в области социальных¹ и естественных² наук. В данной книге автор преследует цель «показать новую онтологию социального» (1), которая, естественно, оборачивается новой эпистемологией, новой перспективой и методологической рамкой для познания современной реальности после преодоления разрыва между природой и культурой.

Исходной целью Деланда является преодоление эпистемологических ограничений, которые испытывают классические подходы при столкновении с социальными объектами современного мира. Если быть точнее, он выстраивает онтологию, предполагающую совершенно особый способ решения эпистемологических проблем и преодоления самого различия между социальными и природными объектами. Тем не менее, посвящая книгу именно проблемам

1. В исследованиях города теория ассамбляжей разрабатывается в том числе бок о бок с акторно-сетевой теорией. См., напр.: *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies. L.: Routledge, 2010.*
2. Теория ассамбляжей работает в концептуальном поле, предполагающем преодоление разрыва между природой и культурой, соответственно лишенном представления об онтологической несопоставимости объектов естественных и социальных наук. Ряд книг Деланда посвящены философскому анализу естественных наук; см., напр.: *DeLanda M. Philosophical Chemistry: Genealogy of a Scientific Field. L.: Bloomsbury Academic, 2015.*

философии социальных объектов, Деланда выделяет их как обладающие некоторой спецификой по сравнению с природными. Эта особенность заключается в том, что сложные социальные объекты непосредственно вовлекают человека, в то время как природные явления (несомненно, не менее сложные) могут функционировать и без его участия. Для описания объектов обоих типов Деланда использует концепт ассамбляжа, тем самым выступая против антропоцентричного понимания различия между природным и социальным и показывая, что сложные объекты, в функционировании которых вовлечен человек, имеют такую же онтологию (и потому должны исследоваться в том же эпистемологическом ключе), что и природные, функционирующие независимо от человеческого участия (в принятии этого равенства природного и социального состоит одно из измерений «плоской» онтологии Деланда). Теория ассамбляжей — реалистическая теория, и стремление выстроить единую онтологическую систему для объектов обоих «миров» приводит к уточнению реалистической позиции: как отмечает сам Деланда на первых страницах книги, его реализм (в случае «Новой философии общества» — применительно к социальному) отличается от реализма, согласно которому мир окружающих нас материальных объектов существует независимо от человеческого сознания. Реальность сложных объектов (как социальных, так и природных) состоит в их независимости от концептуальных рамок, через которые мы пытаемся их осознать.

Книга «Новая философия общества» состоит из пяти глав, которые можно разделить на два блока: в первых двух главах вводятся основные тезисы и понятия теории ассамбляжей, поясняются отличия и преимущества теории перед классическими синтетическими теориями общества (истoki которых Деланда возводит к Гегелю, а современное воплощение видит в организмической метафоре); второй блок — эмпирический, три последние главы книги посвящены рассмотрению примеров применения ассамбляжной оптики к таким социальным явлениям, как межличностные сети, организации (например, Силиконовая долина), правительства (США), города (Париж, Чикаго и др.) и нации. Большинство примеров становятся интуитивно понятными после ознакомления с теоретическим блоком, поэтому в отношении плотности и информативности текста вторая часть книги (главы 3–5) проигрывает. Более того, в определенном смысле столь подробное и разнообразное эмпирическое приложение придает теории ассамбляжей универалистский оттенок, что отчасти отображает пафос автора, но в то же время девальвирует ассамбляжи как модель для работы

с социальным. Приняв во внимание эту неравнозначность частей текста, сосредоточимся на теоретической части книги.

Критикуемая Деланда организмическая метафора — это определенное онтологическое решение проблемы соотношения целого и его частей (части как органы: поодиночке они функционально беспомощны, но вместе составляют целостный организм, работа которого, в свою очередь, зависит от полноты и качества комплекта составных элементов). В рамках этой онтологической модели часть и целое связаны отношениями интериорности (целое напрямую зависит от составных элементов, изменение внутри элементов или их комбинации повлечет изменение характеристик/поведения целого; с другой стороны, целое определяет идентичность своих частей) и логической необходимости (мы не можем помыслить успешное функционирование организма, если из игры выбывает определенный орган или его заменяют другим). В противовес организмическому пониманию соотношения целого и частей Деланда реактуализирует теорию ассамбляжей, ризоматически прослеживаемую в разных работах Делёза и Гваттари³, дорабатывает ее и формулирует собственные аргументы.

В отличие от организмов, ассамбляжи — это целостности, для которых характерны *отношения экстериорности*. Отношения экстериорности предполагают определенную автономию частей по отношению к целому, так что компонент ассамбляжа может быть изъят из отношений и перемещен в другой ассамбляж, включен в другие отношения. При этом как ассамбляж, так и компонент могут не претерпеть никаких изменений (не произойдет смены их идентичностей). С другой стороны, ассамбляж может измениться при условии, что все компоненты останутся на своих местах, — таким образом, невозможна редукция свойств ассамбляжа к свойствам его компонентов. Тем не менее связь между частью и целым все же сохраняется. Чтобы увидеть ее, необходимо детальнее разобраться в онтологическом строении составной части, или компонента, ассамбляжа.

Каждая составная часть ассамбляжа обладает набором *свойств* (*properties*; выше упоминалось, что к совокупности свойств всех частей нельзя редуцировать свойства ассамбляжа), которые «даны и могут быть выписаны в конечный список» (10). Свойства формируются в результате проявления *способностей к взаимодействию* (*capacities to interact*) с другими частями — их множество составляет потенциальную бесконечность; соответственно, свойства ком-

3. Более подробно о собирании теории ассамбляжей Делёза и Гваттари см.: *Idem. Intensive Science and Virtual Philosophy*. L.: Continuum, 2002.

понента имеют в качестве возможного драйвера потенциально бесконечное множество результатов взаимодействия компонентов между собой. Таким образом, сущности (*entities*), объединяющиеся в ассамбляжи, представляют собой динамичные объекты, свойства которых могут изменяться в результате реализации этими сущностями их способностей к взаимодействию с другими динамичными объектами. И это взаимодействие является принципиально непредсказуемым, так как потенции, или способности сущности, нам не даны. Таким образом, свойства целого (ассамбляжа), в состав которого входят эти динамичные сущности, действительно не сводятся к совокупности свойств последних, но могут быть спровоцированы в результате проявления их способностей к взаимодействию.

Компоненты ассамбляжа могут играть роли двух видов — материальную и экспрессивную (либо возможно сочетание и той и другой). *Материальную роль*, например, в ассамбляже диалога играют два физических тела, обращенных друг к другу (или два физических тела, находящиеся далеко друг от друга + материальная сеть медиа). Эта же роль отводится зданиям корпораций, средствам труда, пространству двора соседского сообщества, транспортной инфраструктуре города и т. д. Согласно Деланда, *экспрессивная роль* в ассамбляжах не сводится к работе языка и символов (хотя, разумеется, при широком понимании языка и символа можно было бы сказать и так); эту роль играют компоненты, которые в отсутствие наблюдателя, способного их «считать», остаются частью компонента, играющего чисто материальную роль. Так, например, отпечатки пальцев, содержащие колоссальный объем информации, обретают экспрессивную роль только на допросе следователя или на сеансе гадалки. С одной стороны, экспрессивность не функциональна (именно в смысле ее зависимости от реципиента, неспособности действовать самостоятельно), с другой — в истории планеты имели место предельные ситуации, когда экспрессивность становилась функциональной: к таким событиям Деланда относит возникновение генетического кода, возникновение языка, то есть ситуации, когда незначительная часть ассамбляжа (будь то зависящая от трехмерной структуры атома информационная единица или вокализация) образовывала самостоятельный ассамбляж, который по определению характеризуется и экспрессивностью, и материальностью (15).

Ассамбляжи находятся в непрерывном процессе (само)перепределения: в них происходит перманентная работа по их гомогенизации (то, что вслед за Делёзом и Гваттари Деланда называет территориализацией) или, наоборот, размыванию идентичности (соответственно, детерриториализации). Эти процессы могут

проистекать одновременно, один из них может доминировать. Причем каждый компонент ассамбляжа, проявляя разные наборы своих способностей, может участвовать одновременно в этих разнонаправленных процессах. Здесь нас поджидает еще одна неопределенность: в некоторых случаях ассамбляж можно разобрать аналитически (то есть проследить связь свойств целого с проявленными способностями его частей), в других же образуется синтез, разобрать который на части не представляется возможным.

В силу этой особенности ассамбляж опровергает еще один постулат организмической теории: постулат о том, что отношения между частями и целым являются логически необходимыми. Отношения в ассамбляжах не могут быть чисто умозрительными, каковыми являются логически необходимые отношения. Деланда говорит об *условно обязательных* (*contingently obligatory*) отношениях, которые являются чисто эмпирическими, или историческими. Таким же образом результатом продолжительной коэволюции органов тела является ассамбляж каждого конкретного организма.

Точнее, каждый отдельный организм (в широком смысле — каждый единичный объект) — индивидуальный ассамбляж. Это не экземпляр конкретного вида, не частный случай, относящийся к некоторому множеству подобных (хотя Деланда и говорит о *рекуррентности* процесса сборки ассамбляжа, эта характеристика, скорее, указывает на возможность создания большего ассамбляжа; то есть всегда остается вероятность, что ассамбляж как индивидуалия вступит в отношения с другими ассамбляжами и образуется еще более масштабный ассамбляж — и крайняя точка здесь может пониматься лишь условно). По большому счету объединение индивидов в то, что называется видом, осуществляется на основании наличия некоторого общего ядра, некоторой сущности (*essence*). В онтологической системе Деланда, с одной стороны, не существует ничего, кроме ассамбляжей (как и с макроуровнем, в одном фрагменте он соглашается допустить, что субличность является элементарной составной частью личности, однако по контексту мы понимаем, что это условность: в целом каждый компонент может в бесконечной регрессии рассматриваться как сложный, составной, как ассамбляж), с другой — не существует ничего, кроме индивидуалий. Каждый ассамбляж индивидуален, и поэтому аристотелианская таксономия вместе с порождаемой ею эссенциалистской парадигмой теряет свою актуальность. Нет никакой сущности, которая делала бы Париж Парижем, партию республиканцев партией республиканцев, общество обществом. Ассамбляж не может быть абстрагирован от своей истории, от ис-

тории коэволюции его частей, проявляющих свои способности к взаимодействию и актуализирующих разные свойства, которые, в свою очередь, могут оказывать влияние на свойства ассамбляжа, а могут и не оказывать. Уже после такого краткого рассмотрения основных моментов онтологии ассамбляжей становится понятно, что подспудно Деланда выстраивает и свою эпистемологию, позволяющую изучать изменчивые и непредсказуемые объекты.

Разумеется, некоторые положения теории ассамбляжей вызывают вопросы. Так, принимая динамичность свойств объектов, входящих в состав ассамбляжа, мы всегда имеем дело скорее с некоторыми эффектами отношений экстериторности между компонентами, нежели с самими объектами. Потому онтологический тезис о реальности объектов, обладающих бесконечным набором способностей, которые могут непредсказуемым для нас образом в процессе взаимодействия объекта с другими объектами проявляться в виде свойств, кажется слишком смелым шагом. Также при первом знакомстве с теорией может возникнуть претензия к ее универалистскому характеру: если ассамбляж — это практически любые явления социального и материального мира (как мы увидели, сама эта оппозиция для Деланда нерелевантна, объекты социального и материального мира обладают одинаковым онтологическим статусом), то попытка преодолеть эпистемологические ограничения классических подходов рискует оказаться тривиальным тезисом «все объекты современного мира сложны». Однако такое прочтение теории ассамбляжей было бы непозволительным упрощением, так что главный эпистемологический заход, предлагаемый Деланда в его работах, в частности в «Новой философии общества», на наш взгляд, представляет определенный интерес. Этот заход состоит, на мой взгляд, в предложении отказаться от эссенциалистской постановки вопроса о социальном, в предложении отказаться от поиска сущности (а значит, от выявления норм и патологий, компаративистского анализа, иерархизации и объединения социальных феноменов в гомогенные множества) и, соответственно, упрощающей оптики. Как мы увидели выше, каждый ассамбляж, в том числе социальный, содержит в себе компоненты, потенциал которых всегда остается загадкой для исследователя. По мнению Деланда, именно такая сложная и нелинейная теория, учитывающая наше когнитивное несовершенство, может быть релевантной для исследования многослойных социальных реалий современности.

Ксения Майорова